

АЛЕКСЕЙ ЛИС

**УРАВНЕНИЕ
БЕССОННИЦЫ**

Алексей Лис

Уравнение бессонницы

Избранное

Составление – Ирина Архипова
Дизайн – Виталий Музуров,
Ирина Архипова

В сборник вошли стихотворные и прозаические произведения капитана литгалактического корабля Алексея Лиса, опубликованные на сайте «Литгалактика», в том числе стихотворения и песни из раннего творчества, а также победившие в литгалактических конкурсах стихотворения и конкурсные хокку.

Литгалактика, 2023

Утренняя зарядка для воображения

если утром ты проснулась,
потянулась, улыбнулась
и представила, как море
разливается вокруг,
ты плывёшь скорей на кухню,
где вулканом дремлет чайник,
по пути встречая стаи
разноцветных четвергов...
а потом тихонько свистнув,
подозвав попутный ветер,
ухватив его за гриву,
ты поскачешь по лугам!..
по лужайкам – к водопадам
водопадать (умываться)
и немножко посмеяться
с отражением себя...:))

3

вот такое вышло утро...
нет, не «вышло», приключилось!
апельсинового вкуса...
фиолетовой мечты...

я тебя люблю...

страшно,
если вдруг представить,
что у Бога где-то там
тоже есть
сто двадцать клавиш:
Enter
и Delete,
и Tab,
влево, вправо,
бьют пробелом,
наступая на мозоль...
Боже правый! –
сердце слева,
в нём стучится
капсом боль...
я
тебя
люблю,
родная,
мне
нельзя
ещё
Escape,
я вернусь,
я знаю,
знаю!
верь мне, верь мне, верь мне...
верь...

Бьётся в ночь ладья и пешка,
уплывай от нас Харон...
Боже, я прошу, не мешкай
и нажми,
нажми
на
Home...

температурное

мой мир, моя война
и мая целина
распахана, засеяна словами...
взойдут деньки – тепло! –
но сплунь,
добра излом
блестит, огни надежд –
их море! –
между
нами...

а я пишу тебе
неписьма в непечаль,
прости, мой мир войной
пошёл на это время,
в атаке полегли
секунды – сахар в чай –
мешай,
как жаль, –
мешай! –
как жаль,
не там,
не с теми...

не так, не то, прости,
а я тебя люблю,
пускай я брежу вслух,
лежу,
температуру...
стихи – лишь способ жить,
когда мой мир к нулю
стремится,
а война
моя
посеет бурю...

ДЗЫНЬК

Прости,
нести
так трудно ахинею,
когда в груди стучится барабанщик
в дома, что заколочены тоской
крест-накрест.
Стой!
Не с той
ноги начало,
да и концовка шин не подкачала,
и ты твердишь о чём-то
и твердеешь –
«разделены невидимой стеной»
...

Из слов,
из дней –
несказанных, забытых,
а жизнь опять течёт в судьбы корыто,
да в точки вытекает
точно
так,
как кран на кухне
плачет «дзыньк» в посуду.
Прости,
я больше не могу, не буду,
я верю в чудеса,
но вера в чудо –
сегодня
словно
брошенный пустяк.

Здравствуй, любимая...

Здравствуй, любимая! Лето прошло, пропало.
Осень укутала город туманом зябким...
Впрочем, к чему о погоде. Дожди, осадки.
Главный осадок в сердце. Ты знаешь.
Мало
слов, чтобы высказать чувства, они такие
разные, как погода (ну вот опять же!)
Вспомню тебя, – и солнечный день, и даже
люди вокруг улыбаются. Как святые...
Глупость сказал? Прости. А дождями плачут,
каплей за каплей платят за дни и ночи,
где ты одна.
Я один.
И погода.
Впрочем,
город в тумане совсем ничего не значит!..
Здравствуй, любимая. Ты мне приснилась, знаешь?
Так хорошо приснилась. Там было поле,
единорожек Вовка, цветы в подоле,
солнце. Да, много солнца! И шмель летает,
что-то жужжа по-своему, на шмелином...
Может, просто
жужжа по-своему:
«Ты любима...»

А я иду искать...

Малыш, ты спишь? А я иду искать...
Мой первый сон. Тебя в нём нет, похоже.
Здесь стены, стены как кисель тревожный,
их проломлю плечом, проснусь опять...
Опять засну. Ищу твою надежду,
она ведь потерялась так давно,
что мир наш выцвел, мир сошёл в кино
на чёрно-белое «с ума» и «между
тобой и мной возникла пус-то-та...»
Я не хочу терять тебя, я верю,
что сон второй откроет веки-двери,
моргнёт случайно, скатится звезда
желаний наших. Загадаешь день,
в котором ты и я, обнявшись, рядом...
Малыш, ты спишь? Ты спи. Поспи. Не надо
бояться чёрно-белых стен и тем...

Но я тобою...

Пустыня. Над пустыней Бог...
Жара, барханы, ни души.
А где-то через писем сто
на се(р)вер – море, чайки, жизнь.

Вот так внутри. Таков мой мир.
В нём миражи прошедших лет.
Бесплатны в мышеловках сны,
В которых нас с тобою нет.

В которых пус-то-та... Не та,
Что между слов в пробелах волн.
Не так.
Но я тобою полн,
моя любимая звезда.

Я думать о тебе люблю

Я думать о тебе люблю,
в объятьях мысленных лаская.
В тисках зимы и в грозах мая
я думать о тебе люблю.
Пускай остался шаг до края –
за ним слова равны нулю...
Я думать о тебе люблю,
в объятьях мысленных лаская.

Плюс-минус

*«Что гврито, что маргалито да...»
из песни Вахтанга Кикабидзе «Птичка-невеличка»*

Мной выпита судьба, увы, до дна...
Бреду по городу ночному, грезя:
в руках, играя, светится луна* –
подарок неба (мило бес-по-ле-зен).
Считаю мили пройденных дорог,
сбиваюсь вечно, начинаю снова...
(В сердцах швыряю в небо!) И двурог
мой месяц май бодает дней корову,
она мычит, мычит! Мы «чито-гврит...»,
точнее, «чито маргалито» пелось...
А время сходит не с ума – с орбит
моей-твоей, рифмуя жизнь и смелость
сказать тебе «люблю»... Люблю,
пускай никто не слышит блюз сердечный.
Я жив пока. Наверно, это плюс.
А минус – отдалённость нашей встречи.

Берег твоей любви

А может, и душа моя
лежит посланием в бутылке,
закрыта пробкой (на затылке?),
слегка размокла по краям...

Прочтёшь?..
Я выброшен на берег
твоей любви. А ночь всё ближе...
Глотают солнце волны,
лижут
песок с фрагментом фразы
«... *веришь* ...»

(Вопрос?.. Ответ?..)
Ответь мне, Боже,
за что я запечатан горем?
Послание носило море
так долго.
Ты прочтёшь, быть может...

Вычитание

Смотрю в себя, в колодец долгих дней –
на дне звезда мерцающим котёнком
мурлычет сказки о любви,
негромко,
царапая мне сердце,
но больней
не оттого, что далеко она – сошла
с орбиты фраз, наполненных разлукой,
мне больно видеть – стрелами из лука
сбивают птиц тоски
её слова.

Тоскую по тебе, листаю сплетни
каналов новостных, где нет воды,
суда не ходят – на причале летнем
печальны лица
и глаза
пусты.

13

Смотрю в тебя, пытаюсь дотянуться
хотя бы мыслью, мысленно согреть!..
А жизнь опять, как яблоко по блюдцу,
кружится, вычитая
ночь
и смерть.

бегу на красный

Меч-рыба, говорят, опасна...
А вот опасны ли мечты?
Закрыв глаза, бегу на красный –
на твой прекрасный мир. А ты
мне представляешься рассветом –
улыбкой солнца в море грёз
и... всё на этом.
Без ответов
в конце учебника
вопрос.

Мечты, меч, ты...
Рубака-парень (вот этот год),
он разрубил
всё то, о чём с тобой мечтали,
и нечем починить –
нет сил.
Но я не ною, знаю – зною
всегда уступит холод счёт...

14

В мечтах мы все порой герои,
в реальности... наоборот.

Возможно, можно, сложно, важно –
слова толкались в ступке рта.
Всё перемелется.
Однажды.
Мечтаю, таю, та...
Мечта.

между строчек

Художник: Willem Haenraets

15

прижмись ко мне, не бойся, птицы слов
летят на свет в тумане одиночеств,
есть ты и я – мы вместе, птицелов
не сможет нас увидеть между строчек;
мы в месте, полном тайн и пустоты,
в осенних красках спрячутся тревоги,
прижмись ко мне, не подбивай итоги –
нет ничего случайнее судьбы;
а если день наступит на строке,
в которой точки перешли границу,
не плачь, мой свет,
нам новый день приснится –
синицей распоётся на руке.

прощальное*

Художник: *Willem Haenraets*

16

ты уходила в море слов,
хотя казалось – просто в море;
шептали волны, сердцу вторя:

«прощай, прости, моя любовь...
прости, прощай, я буду помнить
все сны с тобой, их шёлк и свет...»

струилось платье счастьем вслед,
и я закрыл глаза ладонью,
и я кричал беззвучно так –
потусторонний и неслышный...

а в небе отцветали вишни,
и белый цвет летел в закат...

* картина художника называется «Воскреснуть трудно, смерть дотла сжигает...» (*Willem Haenraets*). Она посвящена ушедшей жене (погибла в автокатастрофе)

Ты птица

Однажды летним днём пришли к тебе слова,
похожие на жизнь, но им дышать так больно,
так грустно им молчать, смотреть, лететь, прова-
прова-ливаясь сквозь дыру в груди в бездонность
души твоей.

Прости, я не пишу стихов,
я говорю как есть. Стучится дождь. Откроешь?
Однажды летним днём пришла к тебе любовь.
Похожая на жизнь.

И в ней дыра, похоже.
И ты в неё упал. И ты летишь, летишь...
Закончится полёт лишь смертью. Но не скоро.
И в этом суть, поверь. Ты птица, ты – не мышь.
Однажды летним днём растаял сердца холод.

Восемь минут молчания

*«Может там, за седьмым перевалом,
Вспыхнет...»*

Михаил Пляцковский

Перерыв все слова, объявлю: «Перерыв».
Не минуто молчанья, а восемь.
Да и как рассказать, если время-нарыв
прорвалось, протекло. Снова осень
посчитала цыплят, поделила на ноль,
а в итоге ошибка! Ах, шибко
так хотелось любви, но неверен пароль
раз за разом. Попытка и пытка.
Может там, за седьмой, вспыхнет надпись «Провал»?
(Кто тянул за язык? Переводчик?!)
Я устал, я устал, я устами до ста
дошепчу, догорая. Да, прочерк
между датами «было» и «вышло» суров.
Тень сурка переходит на стены.
Я люблю тебя, жизнь, но твоих поваров
расстрелял бы к чертям за измену!
Не военное время, конечно. Не вой,
ты не волк, тут не лес. Осень. Снова.
«Я люблю» – у меня только этот пароль.
Перерыл все слова. Нет другого.

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНОЕ

Ночь пишет письма мне, а фонари
подобны восклицательному знаку.*
(Переверни листок и посмотри!)
Ночь признаётся мне, что дней бумагу
сминает, рвёт!
на звёздные клочки
от ревности, похожей на удушье.
Мне страшно посмотреть в её зрачки,
такой любви мне, бедному, не нужно!

И я бегу,
пока могу –
я сплю!

...Ночь посылает мне цветы бессонниц
в подарок
со словами «Я люблю!
Ты мой!
Не спи!
Поговорим серьёзно!..»

И я включаю свет в самом себе!
(Пока меня вконец не обесточат!)
Я думаю о счастье, о тебе,
пишу стихи
(прости меня за почерк),
я представляю дни, в которых мы,
вот мы идём на озеро, где утки...

И утро
поражением для тьмы
наступит,
как обычно,
в промежутке.

* строка из стихотворения Иосифа Бродского «Огонь, ты слышишь, начал угасать...»

Снизу вверх

Светает. Ты погаснешь. И опять
нам ждть ночной безлюдности, любимый.
Звенят трамваи. Проезжают мимо.
И нам пора... нет-нет, не засыпать –
молчать от счастья. Так молчат лишь двое,
когда словам нет места. И ещё
все смотрят вверх на небо голубое,
я – на тебя, фонарь. Меня влечёт
твой мир... Увы, скамейки не летают
до тех высот, где гредишь ты... О нас?
Ну вот, погас. До вечера. Я знаю,
опять наступит для признаний час.
Как жаль, что он немой...
Я замолкаю...

Родная моя, светлая грусть...

Родная моя, светлая грусть,
пусть в моём письме мало глаголов и лета,
это не страшно, мы близко – почти наизусть
в мире не этом.
Сердце как солнце, закатное, вниз и вдаль,
жаль... нет, не жаль (тут не глагол случайный).
Чайник отчаянный, чаек чарующий в чай,
это красиво,
но так печально.
Печально...

...ЛО

я пока ещё не просну...
знаешь, снились такие звёзды,
где листает душа весну
в книге времени; знаешь, воздух
полной грудью вдыхая, лю...,
ароматами опьянённый,
я чертил на песке «люблю»,
целовали мой берег волны;
и казалось, что свет на свет
перемножив, получишь небо;
я проснулся, а счастья нет,
да и не было, впрочем, не бы...

Нет слов

Говорят, этой ночью сорвётся в пике,
разобьётся звезда
осколками лет.

И рассвет потечёт, словно кровь по щеке,
заполняя собой
этот мир, этот бред,
что приснился кому-то
под именем «жизнь»...
или вовсе не так –
безымянен мой бог.

Говорят, этой ночью слова не нужны,
мы остались не в них –
между строк...

Между строк прогорела дотла
пересмешница-боль.

23

Говорят, этой ночью
нет слов.
Есть любовь.

Да зачем название, всё равно никто не поймёт...

Давай посмотрим на это так:
никто не ангел, свои причуды...
и «тараканы», иные чуда
гнезятся где-то внутри. Пустяк
от слова «пусть»...

Я к чему веду:
есть комплекс, да, ты имей в виду –
застенчив очень. Боюсь упасть,
лишь слово «нет» приоткроет пасть
в ответ на сложный вопрос. Прости
от слова «прост»...
И закончим сти...

...хо(тя)творенье сродни болезни –
чем дальше в строчку,
тем интересней,
и партизанят партизанята.
Занятно, в общем. Хотя куда там
мне до великих, седых и прочих!

В колонке «Юмор»?
Поставим
прочерк.

Выстрел

А я люблю оранжевый, не синий...
В оранжевом заводят апельсины
(хотя аллюзия на Кубрика – к чему?
ну, Бог с ним, выскочим...)
рассвет глотает тьму
и в небе синем мячик солнца скачет
(да, этот образ чей-то, сплагичен,
простите, не со зла...)
ворота, гоооол! –
и день опять на вечер перешёл,
а дальше ночь, а дальше пустота,
нет ни жены (и чёрт с ней!), нет кота,
один как перст (а может лучше «пёрст»?),
и в небе чёрном миллиарды звёзд
рифмуются с окошками неспящих
(где большинство уткнулось в зомбящик,
смакуя драмы, жертвы – вечный сор...)
растут стихи,
как выстрелы
в упор...

Простое белое

Странное такое состояние...
Вроде бы не мёртв, живу пока,
зверем не гляжу...
Душой израненной
белые листаю облака.

Вспоминаю... вспоминаю многое.
Словно глупый фильм прошли года
ох, не той, как водится, дорогою
и совсем, выходит, не туда.

Мне бы с облаками, да не охая,
позабыв про всё, к тебе лететь!
Родина моя, моя далёкая...
Сложная как жизнь,
проста как смерть...

печаль моя светла...

мои печальные войска
в мундирах букв стоят, застыв;
придёт строка – светла, легка –
уйдёт строка, не зацепив,
не удержавшись на краю –
растает в дымке силуэт;
а я, последний в том строю,
примкну штыком к печали свет;
пусть будет так...

(жаль, не туда
всё повернулось, Боже мой;
играли раньше в города,
теперь играем в «кто живой?»;
мне слишком много лет и зим,
пора вычёркивать тоску
из книги жизни...)

МЫ СТОИМ
в мундирах букв,
штыком к штыку.

В роли лодки...

А жизнь дурная, словно ты – в кино...
И далеко не главным персонажем.
Сидишь, к примеру, в лодке, пьёшь вино,
её качает, а тебя куражит –
и хочется чего-то совершить
такого, чтобы все сказали: «Гений!..»,
а на тоску клюют лишь миражи,
мечты, стихи, бывает даже тени
фантазий, слов... А «рыба» - в домино,
когда нет фишек и продолжить нечем.
Такое вот дурацкое кино...
А в титрах
«В роли лодки: скучный вечер...»

ничья в судьбе

я вышел из себя
(читаем, впрочем: «я вышел из квартиры...»)
многоточий, расставленных по фразам как буйки,
не замечал, я плыл куда-то,
сквозняки
остались там внутри с тобой и горем...
мы в ссоре,
мы как раньше –
(дураки!)
пытались склеить дней осколки в чашу,
разбитую давно,
пытались даже «начать сначала»
(а начал-то нет!)
ещё один бан-наль-нейший сюжет
из книги жизни,
я иду
(плыву, точнее...)
по городу с названьем Ахиня
(Ахинейбург?):
дома,
сады,
цветы,
а время ставит точки и кресты...
ну вот и всё –
закончилась эпоха,
где было хорошо,
где было плохо,
где было так себе
(и так – тебе!)
1:1
ничья
в ничьей
судьбе.

пассажиры

такое ощущение, что день –
всего лишь краткий миг на остановке:
там кто-то вышел, здесь зашёл, а ловкий
водитель правит дальше, и не лень
ему впускать и выпускать, все пассажиры
по-разному одеты, смертны, живы,
с билетами и без, такой заскок...
и я однажды выйду между строк,
сойду с маршрута (а скорей, с ума),
услышав гром – перекрещу дома,
а дальше под мелодию дождя
пешком идти, всё дальше уходя...

МОЛЧАТЬ

*Мир непрост, совсем непрост,
Нельзя в нём скрыться от бурь и от гроз...
Л. Дербенёв*

Молчать не трудно, трудно говорить,
когда слова подобны каплям крови,
они пятнают жизнь своей любовью,
а жизнь нельзя
ни скрыть, ни отбелить.

И ты бежишь во сне и наяву,
не к цели, нет, всего лишь дальше, ближе...
А мир не прост, мир на тебя нанижет
баранки бурь,
дополнив грёз халву.

В финале тигры, титрами рыча,
расставят точки, да над «ё» двойная...

А может, всё не так, мир обнимает
и жизнь твою,
и слово в ней – «молчать»?

небрит и тощ

Если сон небрит и тощ,
он бродяжил до рассвета
и пришёл ко мне,
на это
я скажу:
«Ну, братец, мощ-
мощ-но ты придумал здесь!
Но, увы, вставать мне надо,
ты ложись, я буду рядом –
мыться, бриться, завтрак есть.
Всё, конечно, через силу,
ведь не выспался совсем.
Где же, сон, тебя носило?!
У меня и так проблем
выше крыши, краше груши,
ваши-наши, день и ночь...
Сон мой, братец, как ты нужен.
Пусть такой:
небрит и тощ...»

такой был день

художник Владимир Волосов

33

что я рисую в памяти?.. мазки
ложатся неопрятно, хаотично...

такой был день – не худший, не отличный,
и большинство таких;
из-под руки
кровавой полосой мерцала осень,
за ней зима размазала дома,
а чёрный человек сходил с ума,
а белый человек его не бросил,
они смешались, словно воды рек,
они текли во мне, впадали в море...

такой был день – не праздник и не горе,
и большинство таких;
а из-под век
в угоду рифме капала тоска...
тоска, тоска... да с чем ей рифмоваться?!
с шипами роз? с колючками акаций?
с моей душой? и с пальцем у виска?

что я рисую в памяти?.. мазня! –
иначе и не скажешь, тихий ужас...

такой был день – не лучше и не хуже,
сломалось время,
зачеркнув меня...

Надеюсь, я вернусь...

...и снова жизнь поставит шах и мат.
Казак по Дону загулял немного.
Как дорога обратная дорога –
к себе,
к родным,
назад,
домой, назад.

Раскрой объятия, разверни фигуры...
Едва-едва топталась пешка слов
по клеткам дней –
любви искала,
дура...
а вышло так,
что вышла нелюбовь.

И что сказать? Да кто в ответе? Грустно.
Мой конь – покой,
покойник с буквой «Гэ»...
А Дон течёт, хранит на дне рассудок.
Надеюсь, я вернусь.
Вернусь
к себе.

выброси камень

«Радуйся дню, – он сказал мне. – Ведь небо синее...»
Синее, вижу. Да только дожди в груди.
Словно ты едешь по лужам – и грязь, и линии
вечно сплошные сплетаются впереди
в узел проблем. Разрубить это к чёрту!.. К Богу ли?
Ближе и ближе оранжевый свет тех фар...
Кто там ещё? Мой попутчик?.. А знаешь, многие
были да сплыли. Свернули? Сошли? С ума?..
Нет, жёлтый дом мне пока не нужен, смилуйтесь!
Я не готов пионером да в этот квест!
Молнией шарк! – по воде написалось вилами
вечно о Вечном. Пока нас Оно не съест.

«Думаешь, ты один? – он сказал мне. – Бывает хуже ведь.
Помни, живут и в клетках, где прутья – боль...»
Помню. Прости. Давай о другом. О пуделях?
Я так любил... Я думал, моя любовь...
А на поверку... жизнь впечатленья сгладила...
Нет, у собак всё проще, они чисты:
смотрят в тебя глазами, как виноградины,
лизжут лицо и руки, а их хвосты
более искренни, чем сотни слов. Чем тысячи!..
Но, к сожаленью, они ведь остались с ней.

«Радуйся дню, – он сказал мне. – А это... вычеркни...
Выброси камень, Сизиф... В ту гору камней...»

такой был день (вторая версия)

«Как пятый туз из рукава...» –
вот так и день порой сыграет,
мухлюя –
веря, обнимая,
и в спину нож, а в сердце – два.
И ты упал,
и ты поднялся,
ты смог, ты выжил, ты...
один,
а жизнь танцует в ритме вальса,
зовёт вперёд:
«Иди, иди!..»
И ты идёшь, скрипя зубами,
за шагом шаг,
за шагом шаг,
у прошлого стирая память,
а в настоящем –
лишь душа...

трансовое

Отпусти меня, усталость,
в переменные поля,
током вод разбавить алость
горизонта.

Тополя
подпирают неба своды
по-атлантски, хорошо.

Ночь посетит звёзды-всходы,
им взойти.

А я ушёл.

Сердце, солнце моё

художник Сергей Волков

39

Если есть белый шум,
почему бы не быть белой музыке?
Если я попрошу,
ты станцуешь на этот пароль?
Сердце, солнце моё,
как же вышло, что стало ты узником,
в тесной клетке времён
не свою
перемучивать роль?

Как же так... «всё не то»?
По сюжету здесь нет «хэппи-эндности»?
В белой музыке строк
поворот «два ключа» и – привет?
Сердце, солнце моё,
почему мы скрываем за бледностью
наших слов,
наших лиц
настоящего чувства рассвет?

Ты молчишь, ты, мол, чушь
не готово мою перемешивать
в белом вареве луж?
Значит, осень опять победит?

Сердце, солнце моё,
я не знаю – какого я лешего
сочинил этот стих?!
А теперь говорю:
он убит.

Внутри, снаружи

художник Зоя Алексеева

Осенний дождь идёт во мне
внутри, снаружи,
всё тонет истиной в вине,
а может, хуже –
всё утонуло год назад,
вокруг фантомы,
они стоят, они молчат,
и сам я сломан.

И сам я – ребус без причин
искать ответы,
к душе потеряны ключи,
летально лето.
Прости, дождь шёл, я шёл, с ума
сошли мы вместе.
А утром расцветёт зима
на лобном месте.

ЛОВЕЦ СНОВ

ловились сны... и ускользали сны...

небесное раздвинув покрывало,
душа моя за ними улетала
на кончике закинутой блесны...

42

ловились сны... срывались сны, увы...

я возвращался, я искал забвенья,
я допивал последние мгновенья
из чаши недописанной главы...

ловились сны... но не поймались сны...

**фотография АлеХ «Ловец снов»*

Мысли

А смерть осилить нельзя, увы...
Есть срок у каждого – долгод, мал.
Раскроют рты вековые рвы.
Один успел, а другой пропал.
Осталась память о нём, да так –
Лишь парой строк в дневнике теней.
Чертой поделена пара дат.
А что там есть за чертой? За ней –
Никто не знает наверняка.
А может, нам и не нужно знать.
Живёшь – и ладно, живи пока.
Вот солнце в небе взошло опять...

счѐтчик

А если выключить тоску?
Войти в себя – там выключатель.
От мыслей счѐтчик белкой в чате,
Сверкая, крутится в мозгу.
А ты всё платишь по счетам.
В ночное время – сном-валютой,
Отконвер-ти-ро-ван-ной в утро
Словами «кофе» и «кто там?»
А никого уже, уймись!..
Все вышли остановкой раньше.
О дивный мир диванной фальши,
Слегка напоминавшей жизнь...

ЖИВАЯ

не лебедь, рак и щука, а душа
всё мечется от края и до края,
не солнце на исходе дня сгорает,
не лебедь, рак и щука, а душа...
но утром ты поймёшь: она живая!
но утром ей подарят новый шанс
не лебедь, рак и щука, а душа,
что мечется от края и до края...

Уравнение бессонницы

Решаю уравнение бессонницы,
где слишком много неизвестных мне,
и сходится с ответом, и не сходится;
луна в окне,
душа в огне,
и не-
делимая на ноль простая истина,
что жизнь прошла, осталось так, чуть-чуть...
Уйдёшь за грань, а дальше?
Впрочем, мистика
не для меня. Меняю на «хочу»:
чтоб помнили с улыбкой, не с проклятием,
искали в строках свет, что я вложил.
Пусть пафосный ответ, но важно – знать его.
Бессонница,
а я тебя решил.

*** («сегодня холодно с утра...»)

сегодня холодно с утра,
озябший мир закутан скукой;
в словах, упавших в снег – разлука,
а завтра будет как вчера...
сойдёшь с ума, ступенька, ой!
оступишься – да рыбой в лёд;
в тоске прошёл прошедший год,
а в новом мир закутан в боль...

горькое

«Б» (мягкий знак, слишком мягкий для нашего жёсткого мира,
что вцепляется в глотки и душит; и души бегут
в небеса, вне тебя) – а сегодня на улице сыро
(небесплатного сыра, как водится), сахар минут
растворяется в часе, в словах, в перепутанных строках,
где нет смысла давно, да и был ли он (может, найдёшь?);
а когда слишком горько (хотел написать «одинок»),
я беру тишину, я её разрезаю на ложь, –
на куски грубой лжи, что приправлены правдой «нечайно»,
запечённые в речь, обречённые рифмой, вот так –
как печально летит
эта глупая
белая
чайка,
превращаясь в стихи
никому
никогда
в никуда.

В порядке бреда

В порядке бреда нарисована Земля на трёх котах,
а где-то сбоку бантик.

Ты говоришь: «Аллюзия не та...»

Я соглашаюсь, я больной романтик.

А солнечные эльфы ставят рок
(на обороте надпись «без надежды»).

И время утекает между строк,

И время умирает просто между
тобой и мной.

И падают слова,

как капли дождевые в жёлоб жалоб.

Сегодня днём болела голова.

Прости – опять давлю на кнопку «Жалость».

Проехали. Как говорил мой друг.

Его уж нет. Он, видимо, проехал.

В «Что? Где? Когда?» ведущий гладит крюк,
на нём вопрос подвешен ради смеха:

«На ком стоит Земля?..»

На ком... На кой!

Ответ досрочный.

Принято.

Победа.

И время замирает под рукой,

трём кошкам вопреки,

в порядке бреда...

безумное

порой мне кажется – мы все сошли с ума...
но кто-то дальше, кто-то ближе, впрочем,
какая разница; в графе «надежда» прочерк,
а дальше лишь зима, одна зима
внутри, снаружи; снег идёт на снег,
бинтуя дни, ведь в каждом рана; рано
и поздно, как всегда, как два барана
столкнулись этот век и прошлый век...
сухая ветка дерева судьбы
в костёр иллюзий брошена, сгорела;
а где-то мир уже обводят мелом,
хотя он жив ещё и, может быть,
не всё так плохо, так безумно плохо,
а просто суматоха, суматоха...

Плач гитары

Мой мир свернулся, словно ёжик,
он ошетинился тоской,
а в новостях одно и то же –
одним итожат день любой.
Плохие новости, дружище,
под плач гитары, звон литавр
уже никто добра не ищет,
да и нашёл ли кто искал.
Я ухожу в себя всё глубже,
прости, пойми и отпусти.
Под плач гитары, грохот ружей
мой мир свернулся в спойлер-стих.
Всё виртуально, всё обрыдло.
Лишь ангел за моей спиной
под плач гитары и молитву
идёт за мной,
идёт за мной...

горе

он немеет, не имеет ни слов, ни фраз,
превращаясь порой в мычание
и в молчание,
и в отчаянье...
или в «море волнуется – раз!»
по застывшим пунктирам строк
ходит маленький личный йог,
наступая на окончания
и молчание,
и отчаянье...
нарисованный свет не мил,
он немеет, совсем без сил,
как же кружится голова...
горе в «море волнуется –
два!»
и рассвет,
как багдадский вор,
прошмыгнёт к нему
между штор...

Кино

Не спишь? Не спи. Давай играть в «кино».
В него играют все, такая штука.
Берётся эпизод из жизни, но –
здесь поменяем,
здесь отрежем;
ну-ка,
а если я ответил бы вот так,
а если я б умнее был. Ох, мне бы...
Пускай из денег – лишь Луны пятак
в карманах продырявленного неба,
не в деньгах суть.
Они лишь средство.
Стоп.
Играем?
Плачешь.
Но зачем?
Ну хватит.
Да, жизнь частенько то по лбу... то в лоб.
И это не кино в моём прокате.
И лучше спать.
Закончился сеанс.
Все разошлись. Бессонница осталась...
На раз-два-три...
На раз-два-три...
На раз...
Не спиться бы.
Не спится.
Спится...
Мало...

метаморфозы от лица соучастника

художник Сергей Панин

Из гусениц мыслей рождаются бабочки строк,
тихонько взлетают... и тают в молчании часто;
а ты соучастник, а ты, как всегда, одинок,
не с ними, ты с краю, ты смотришь легко, безучастно.
Одна за другой, вот коснулась кого-то, и в такт
пульсирует жизнь, оставляя надежду на память;
мгновенное лето, цветами засеянный мрак...

Но кажется, всё происходит не так и не с нами.

база сданных

«Наперекор», – сказал рассвет.
«Не перекур», – добавил позже.
Осталось -дцать неспетых лет
И я иду. Ещё, быть может,
Спою. Не время жизнь итожить.

Пускай негромко, глупо, так...
Душа моя – дуршлаг и сито.
Сквозь дыры дней сочится мрак
Капелью слов в судьбы корыто.
Смотрю на мир. А карта бита.

И наплывает пустота.
И база сданных в плен печалей
Растёт из года в год, и там
Никто не вспомнит, что в начале.
В конце – последняя черта.

горькое-2

Западный ветер. Запахло зимой.
Залежи дней нераскопанных, горкой.
Боже ты мой, ах ты, Боже ты мой!
Горько,
как горько
сидеть на галёрке
и наблюдать как мы сходим с ума.
Это зима ничему не научит.
Мучат вопросы, ответов нема –
немо лежат нераскопанной кучей.

Вот он твой мир: разобщённость во всём,
повод найдётся для драки и чёрта,
чтобы опять завязалась узлом
памяти ниточка,
точкой отсчёта.

Западный ветер, прощай и прости.
Катится время по кочкам и кучам.
Боже ты мой, сохрани, отпусти!
Верю,
надеюсь
на лучшую участь.
Западный ветер...

...чание

За окном дождь, но пейзажные стихи – не моё.
На рисунке моего настроения ветер...
Кто ты, читающий эти строчки, ставящий точки над «ё»,
мрачен ты или светел?
Дождь – это оболочка, капсула времени, ритм и Рим.
Вертикали моих мыслей в горизонталь молчания.
И если... если... если, две тысячи двадцать два «если», остальное «прим.».
Примечание.
Приме... чание...
приме...

Ночное

На часах 2:46. Делать нечего.
Ночь играет тишину в темноте.
Сделал сэлфи грустный мир. Человечиной
закусил проклятый день, как хотел.
И не спиться – я не пью, и не спится мне,
льются капельки секунд в 47...
И всё кажется – слова в небо птицами
улетают от меня насовсем.
Кто прочтёт их там, вверху – мне неведомо.
А когда не станет слов и тоски,
остановятся часы чёрно-белые
фотографией последней строки.

Кричи – не кричи

Я видел сон: за мною по пятам
ходила тень в помятом балахоне,
на шаг отстав, на две строки с листа;
казалось, миг – она меня догонит.
Я обернулся, закричал: «Отстань!
И так всё тошно, глупо, невозможно.
Ищи мячи для сотни нервных Тань,
а я свой меч давно упрятал в ножны.
И горьким счастьем я по горло сыт!
Мы слишком долго верили в победу...»
И тень ушла. Оставив скучный быт,
наполнив пустотой мою планету.

точка бифуркации

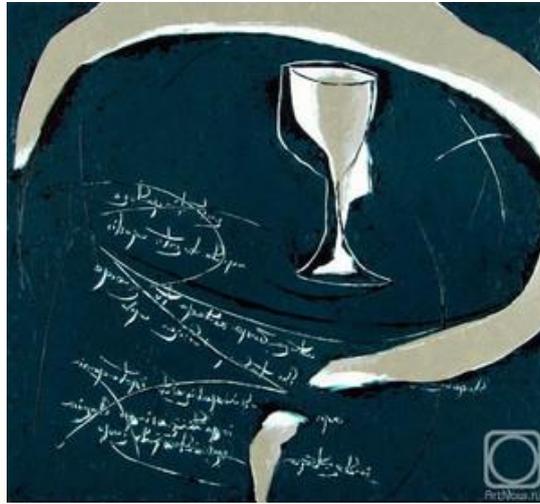
сегодня мне приснилась пустота...
не та, в которой ночь молчаньем вяжет
стихи мои на зимний холст листа –
не та... не там, где стаяла усталость
(капелью тем по темечку – в чердак!) –
не та... не так, не тикнуть, не осталось
в ней ни-че-го! че-го-ни-будь-бы так
хотелось мне... словарная пучина
сглотнула и поля, и тополя!
а в пустоте – оставшейся – причина
отсутствует для жизни, смертью для...
и я проснулся, как новорождённый...

безумное-2

Сегодня ночь особенно тиха.
Бессонница не вяжет свитер грусти,
распустит в нить безумного стиха,
её отпустит.

И полетит душа моя на свет
Твоей любви, что этот мир простила
за всё, за всех, за боль и «Бога нет».
И отпустила.

Хороший вопрос

Художник: Александр Олигеров

Понимаешь, у меня больше нет слов,
я дошёл до предела,
осталось молчание.

Оно
заполняет меня до краёв,
мне даже не страшно уже,
лишь печально так,
как...

впрочем, ни с чем не сравнится, поверь.
Сегодня опять сны не приняли в стаю.
И я не летал, я лежал, словно зверь,
свернувшись калачиком,
как запятая.

Ты думаешь, так вот и сходят с ума?
Хороший вопрос.

И плохая дорога.
Возможно, пройдёт, как и эта зима,
где радости мало, а праздников
много...

*** («Расстаться...»)

Расстаться... «-тац-цца» – эхом дождь
рисует прутья клетки серой,
их слишком много. Я успела
поднять над нами зонт. Похож
мой жест на рифму к слову «вера».
Ты знаешь, облачные рыбы
молчат-плывут, и мы могли бы
остаться... «-тац-цца» – снова ложь.
Тебя здесь нет. И осень, осень...
Мне восемь. Я почти нашла
ответ на злое «Ты нас бросил...» –
ты стал дождём. Не ждём. Ушла.

Безответное

Всё суета, мой друг, всё суета!
Писать тебе становится привычкой.
Дурной, пожалуй... Здравствуй. Как ты там?
Нашёл ли двери для ключей скрипичных?

Шучу, не злись. Ты знаешь – я ценю
Твой гений нот, а я всё «нот-ту-би-жу».
Недавно град побил всё на корню –
Неурожай, фанерой над Парижем.

Так говорят у вас там? Или врут.
В деревне скука словно паутина.
Прошло пять лет и несколько минут,
Как ты уехал. И как будто сгинул...

Нет, я не злюсь, учу слова молитв,
А здесь – в груди – дыра теперь такая
Осталась вместо сердца и болит...
Всё суета... Ответь мне. Обнимаю.

* «гений нот» – так называли музыкантов, композиторов

** «нот-ту-би-жу» – производное от «to be or not to be» (монолог Гамлета)

*** «фанерой над Парижем» – одно время в столичных кругах было популярно это выражение

Что рассказать тебе про Альтаир...

Что рассказать тебе про Альтаир... А ты откуда? Сириус? Бывали. Мы воевали там, ох как мы воевали. За что воюем? Как всегда – за мир. Вот видишь, эти «наши». Там – «они». Одно из двух – ты их... или тебя. Потери? Да, бывают. За ребят мы пьём... Как быстро утекают дни, летят, летят...

Когда-нибудь и мы
в борьбе за жизнь
окончим строчку
точкой.

Мне, знаешь, снятся иногда цветочки, поляны полные... отсутствием войны. Ну, бред, конечно. Да ты пей, забудь. На Альтаире ночью не воюют. Лишь воют от тоски, закрывшись в «улей». Снаружи там сейчас такая жуть. Вот поутру пойдём. Куда пошлют. Не мы решаем, наше дело право не перепутать с лево (а бывало). Война – не шутки. Не шутя – убьют. Что рассказать тебе про Альтаир...

Пара вредных советов

а Серёга лучше

если ваш директор школы
в коридор на перемене
вышел очень неудачно,
и портфель влетел в него,
вы скажите очень строго:
«Господин директор школы,
как вратарь Вы не годитесь.
Вот Серёга бы отбил!»

вырасту и стану

если вам поставят двойку
ни за что... за поведенье!
то родителям скажите:
«потому что я – борец!
я боролся что есть силы
за права всех угнетённых!
вот я вырасту и стану
президентом где-нибудь!»

Письмо

Покрыт загаром и весь просолен*,
умён, опасен, пират бывалый,
ноги лишился (забрало море),
у Флинта, бают, рукою правой
служил на совесть
(последней, впрочем,
никто не видел)
и жаден слишком...

«Мой мальчик, Джим,
ты прости за почерк,
прости за всё.
Помню, ты... мальчишка...
нас, взрослых рослых, оставил с носом.
Ха-ха. Три раза. Ну что там, было!
Ошибки наши – как бабу с воза –
мы сбросим. Так ведь?
Мой мальчик, милый,
я стар, как восемь последних истин,
мне жить осталось, увы, недолго...
Приедь, проведай. Судебный пристав
намедни птичку забрал в счёт долга.
Пи-ассс-тры! – помнишь, она любила?..»

И Джим приехал.
Его убили.

ТЫ-ДЫМ ТЫ-ДЫМ

действие происходит на железной дороге;
она – студентка, едет домой после сессии;
там же пожилая женщина, проводница, чай, бельё, ключ от туалета, билеты...
устала... в итоге
сидит в своём купе и смотрит в окно распахнутое невесело,
а чего веселиться, опять «ты-дым ты-дым» сердце в такт поезду бухает,
да, кстати, поезд – ещё один главный герой этой пьесы,
внутри у него, можно сказать – в его животе, много других героев, из них
кое-кто «под мухою»,
впрочем, вряд ли кому-то из вас это будет интересно;
и вот доехали до станции с каким-то красивым названием,
я не успел его прочитать, извините, так увлёкся сочинением неравносложных
строчек,
но оно должно быть красивым, предположим даже, ну пускай – Мироздание,
ведь Военноздание было бы слишком, не так ли, обойдёмся без моих
заморочек;
поезд стоит десять минут на Мироздании,
студентка вышла, хотя вроде бы не курит;
любуется чем-то, возможно даже – цветами,
вот рельсы чёрные, платформа серая, небо синее, а в остальном всё в ажуре;
хотя не для всех, вот молодой человек из четвёртого купе мучится головной
болью,
и я его понимаю,
это так противно – стоять на Мироздании, дышать полной грудью, можно
сказать – вольно,
а тебя периодически из мироздания вынимают;
как меня сейчас, Господи, головная боль – мой друг, мой самый злейший
враг,
особенно если под рукой нет подходящих таблеток;
ну ладно, поехали дальше, как говорится, за кругом круг, за квадратом –
мрак,
вот товарищ Малевич меня бы понял, но его в этом поезде нету;
впрочем, и меня там практически мало,
я – только воображение плюс ваши мысли минус рассудок;
пойду выпью таблетки, головная боль, как всегда, достала,
а студентка пусть едет на поезде дальше
покамест,
что будет синонимично покуда.

красит стены

летним утром красит стены, нет, не солнце, а Иваныч, потому что красить стены тоже нужно, если что, красит стены, вспоминая о припрятанном стакане и бутылке там, в чулане, под прикрытием пальто. пусть чулан и недалече, но не прямо здесь, где стены, красит стены ближе, ближе, вот уже и в коридор... но жена из кухни зыркнет (не жена, а сущий демон! чует сразу!), красит стены вот от сих и до сих пор... ничего, ведь главный принцип «кто кого – ещё посмотрим!», красит стены не Иваныч – а соперничества дух! он покрасит, он сумеет!.. а потом пингвином робким спрячет тело там, в чулане, там нальёт себе «Тархун»...

воображаемое

представлю день: он – лодка, я – рыбак,
на образы клюют слова-рыбёшки,
и так светло, и льются краски так
на полотно мечтательно немножко,
и превращаются в русалок за спиной...
а впрочем, просто в девушек; приятен
мой мир воображаемый, иной,
здесь много счастья... но его не хватит
на всех, увы... да счастье ли оно?
придуманное только что стихами...
но всё же я надеюсь – день на дно
не ляжет, не утонет, словно камень...

Случай во дворце

- Скажите, принц, а ведь недаром свеча, спалённая пожаром...
- Франческо, ты опять?! Опять заснул в библиотеке?
- Но там тепло... просторно... веки чуть-чуть прикрыл...
- И спать?! Вот ты такой большой...
- Конечно! Я великан!
- ...а ум твой грешный опять загружен как...
- Как что?
- Как мул! Верблюд! О боги! Досталось, помню, очень многим, когда ты «Гамлетом» вот так... болел!
- Но я здоров!
- Здоровый... Зовём на помощь. Ворон! Ворон! У нас проблемы. Вот, смотри!
- Я вижу. Леррр-монтов внуттри. Боррр-рродино. Ах, помню, помню... Ведь были люди в наше врр-ремя...
- Не то, что нынешнее пенье...
- С ума сойти... Вы, оба – стоп!!! Я принц! И я повелеваю избавить этого... Шалтая от всяких лишних мне болтаев. Желательно тотчас!
- Я слушаюсь. Я избавляю. Кхе-кхе... Каррр-течью заклинаю: «Кррап-трримбле-тррумбле-ттрамбле-кроп!»
- Ой! Мне попало шота в лоб!
- Франческо! Как ты, друг? Ты бледен...
- Айда в буфет, там сыр нееден!
- Похоже, получилось!
- Сыррр?!!

На этой ноте сказку стоит закончить. А моим героям – вас пригласить к себе (не строим, но всё же пригласить) на пир.

Только, пожалуйста, без Снегурочки...

Это был новогодний джаз...
Дед Мороз играл на баяне,
снеговик, по ветке в руках зажав,
на ведре отчаянно
барабанил!
А Снегурочка, где-то трубу найдя,
задудела в неё!..
О, Боже!..

Я проснулся в поту,
и портрет вождя
подмигнул со стены, итожа
мой кошмар,
послепраздничный «перепил»...

Что за дата сегодня, братцы?..

Ну, второе «-ря»,
а уже без сил,
это ж надо
так вот набраться!..

А сегодня ещё обещался кум
заявиться, отметить, «врезать»...
Я ему не могу
сказать «не могу»,
он меня не поймёт «по трезвой»!..

Может, всё отключить и «задраить шлюз»?
Дескать, спал... вырезвитель?.. кома?..
шёл, упал и очнулся... и гипс?..
и флюс...
Вот – пришельцы забрали! Понял?!
Но вернули потом,
этот... их... капитан
посмотрел и сказал: «Не-под-хо-дит!»
ну, пока то да сё...
и отметили там...
а чего? отмечают там вроде!..

Только ты никому! Понимаешь ведь сам,
если что – то того...
сразу в «дурку»!

Всё, придумал, поплюю...
Дед Мороз и баян...
Ну врубайте свой джаз...

Без Снегурки!..

Старые слова

*Пусть лёгким будет каждый час!
И только добрым жизни брашно!
Ирина Ашомко «Ещё немного, и часы
пробьют начало Новогодья»*

«И будет добрым жизни брашно...» –
так я надеюсь в сотый раз,
но не успел начать рассказ,
как – бац! – и «ночь», и всё неважно:
нам отключили электри...
спаси... как жи... без инте... люди!
Фух, отлегло, включили! Будем
В сей паутине мы внутри.

«Пусть будет добрым жизни брашно...»
А ничего так сочинил!
Ещё бы вставить «длань перил» –
и стар, и млад здесь лайкнет каждый.
Но мне пора, мой друг, лечу
на ужин при свечах... на торте.
Ведь новогодье не испортить,
пока мы можем «по чуть-чуть».

ИНОГДА В НАШИХ СНАХ

иногда в наших снах есть радуги,
и они
(так мне кажется)
идут от дыхания к дыханию,
от одного сердца к другому...

когда мы просыпаемся,
мы не помним,
мы можем только почувствовать,
что сегодня ночью
в небе было
полным-полно
радуг...
красиво так...

однажды

однажды
я прижмусь к твоей груди и услышу
как рождается Вселенная
постукивая по скорлупе слов
пробиваясь наружу
медленно
радуясь
дню

а потом
я обниму тебя крепко
изо всех сил
как небо обнимает землю
как музыка обнимает тишину
как любовь обнимает всё
так
вдвоём
радуясь
мы замрём
однажды

когда рассвет разбудит тебя

а когда рассвет разбудит тебя
тихо, ласково, нежно коснётся
ты улыбнёшься не только губами
а словно всем телом
просто
и удивительно
рождается красота
об этом нельзя молчать
но трудно говорить
когда рассвет разбудит тебя

Йахавэла́нну

я не спрашиваю твоего имени,
в геометрии тишины
мне не вычертить букв.
просто
оставайся душой.

если ты придёшь слишком поздно,
когда птицы моего одиночества
уже улетят навсегда,
возьми мою радость,
коснись моей нежности,
я почувствую.

и не спеши за мной.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ТЕБЕ

не слово
и даже не буква,
лишь знак один
отражает
мои воспоминания о тебе.

в нём
сердце твоё,
стучащее неожиданно громко,
словно стремится оно вырваться
птицей
из грудной клетки,
я слушал его, прижавшись...
помнишь?

в том знаке
кончики твоих пальцев,
которые я целовал,
замёрзшие от долгой игры
на зимнем рояле
московских улиц...

знак многоточия
замыкает наши встречи и расставания
в один бесконечный
круговорот
любви
и
жизни...

когда-нибудь

знаешь, иногда я чувствую море внутри,
это его волны разбиваются о грудную клетку
и откатываются обратно
с еле слышным «эх...»

видишь, из моих глаз текут солёные капли,
бегут на свободу,
в этом мире их называют слезами
те, кто забыл о море внутри,
те, кому тщетно сигналият маяки веры...

и когда-нибудь моё море соединится с океаном всего,
растворится в его тишине,
не помнящей ни имён, ни дат,
море замрёт на миг
невообразимого совершенства...

Хокку

о как намело
под лестницу времени
опавшей листвы!

плывут и плывут
лодки-зонты прохожих
в море осеннем

грустить радуясь,
радоваться печально —
так любит осень

81

так гулко стучит
наполняется красным
осени сердце

дождями внутри
я плачу, я падаю
в снега ноября

похожи в одном —
их рождение внезапно,
лю-бовь и лю-боль

Хокку

море тюльпанов —
бегут волна за волной
на старом снимке

вышиты лучом
тень моя и жизнь моя,
длятся позади

расцвела душа
звёздами на яблоне —
аромат надежд

82

ловите меня!
я падаю в музыку,
где ноты из слёз

занесло меня
сугробами молчанья,
но весна придёт

слышишь, как сердце
стучится, озябшее?
зимние люди

Рубаи

Тимофей Афанасьевич был так умён,
Ведь на полке его разных книг миллион,
Знаменитые авторы – светочи мысли!
Впрочем, кот не прочёл на обложках имён.

Говорят, что с любимой рай в шалаше,
Я построил шалаш и сижу в неглиже,
Но не видно любимой. Она на работе...
Вот враньё! Разобрал! На диване уже.

Трёх девиц под окном не видать. Скукота!
Три бабули сидят, не прядут ни черта.
«Сказка – ложь», понимаю, но был же намёк!
Языком-то плести может каждая та.

Очень скор ваш прогресс, мне за ним не успеть.
В телефоне нажмёшь не туда – сразу смерть!
Эс-эм-эсит внучок: «Дед, ну как? Всё пучком?»
«Дурачком» ты хотел написать мне, ответь?!

Прописал доктор мне тишину и покой,
В шкаф залез и сижу. Шкаф большой. Я – больной.
Дверцы резко открылись её муженьком.
То ли шкаф был не тот, то ли врач не такой...

Рубаи

От меня до тебя километры тревог.
Заблудился в душе неопознанный Бог.
Тает дней суета, две судьбы, две мольбы.
Бьются мошки-слова в тишину между строк.

На пятый день слова сошли с ума,
как будто не вмещались в закрома.
В душе моей кружились, словно снег,
и падали на белый лист. Зима.

Семейный отдых

А мы отдыхаем всегда по-семейному:
тёща с женой ловко лепят вареники,
сын пылесосит, дочь моет посуду...
Я? Очень занят. Командовать буду.

Театр в деревне

«Бе!» – сказала мне коза...
Подожди, но как же Гамлет? –
«Быть или не быть?.. Куда мне...»
«Бе!.. шеный...» – в ответ коза.

А я так говорррю

«Говорят, где-то город громадных горилл...» –
логопед попросил повторить. Повторил.
Посмотрел он на маму, вздрогнув. Присел.
«Но рычать, – говорит, – здесь не надо совсем...»

Дремлет

Дремлет кошка на старом диване...
Дремлет мышка и дремлет сверчок...
Даже мир, мне так кажется, замер...
Да и я подремлю между строк...

В начале ноября

Город утром похож на кофе со сливками,
Снегом лишь слегка подсластило газон.
Дворник Миша борется с листьями склизкими.
Я смотрю из окна, допивая свой сон.

Стихи на салфетках

А в кафе придорожном только чай с пирожком.
А дорога длинна и скучна, как обычно.
На салфетке привычно пишу ни о чём.
Просто так. Просто глупо. Так сложно о личном...

Кагило дасурба (шутки и абсурдизмы)

Пишите в тех поддержку. Те поддержат...

Не банный день. Я завтра вас забаню...

Какой-то ток у вас непостоянный...

А где-то тут я память перепрыгал...

И в скромности я тоже гениален...

Шутки и абсурдизмы

А у нас стены голые. Они нудисты.

Музыка нас связала. Потом распустила. И связала с другим рисунком. А олени лучше!

Мы поделили пополам. Мне повезло – досталось «лам».

(Из объявлений) Рубаха-парень. Кто-нибудь погладит?

Часы немного перевесил, а то совсем не там идут!

Шутки и абсурдизмы

Из сказки о Красной Шапочке украли букву «а». Теперь она Крсня Шпочк.

Я человек простой... Укушу – заживёт!

Я отомщу: я наступлю медведю... (про отсутствие слуха)

И послала его скатерть-самобранка!..

А где-то я, выходит, недовыполз...

Шутки и абсурдизмы

Поэзия – способ дышать, когда совсем невмоготу.

От сильных чувств заматерился ямбом...

Наш кофе – «он». «Оно» вы пейте сами!

Мы строим дураков, они – дорогу...

Отрезал жёстко: я во сне – непьющий!

«Что завязать?» дилемма: галстук? пить?

Одностишия

Верблюда вам, увы, не переплюнуть...

Танцуйте!.. Тьфу! Замрите! Писем нет!

Совсем вы не умеете стесняться!..

Вы мелочны! Но ведь и я некрупный...

Да я бы вас послал, но вы без марки...

Философ мой, тебя б в цемент – и бюстом!

Засим откланяюсь – такое упражненье.

Наукой юношу пытаются... (одностишия)

математическое

В углу коты искали свой котангенс...

физическое

В тетеревах, я слышал, тоже ток!..

геометрическое

Цилиндр надел, теперь дурак не круглый...

историческое

Аврору разряди. На всякий случай.

биологическое

Ёж остроумен. Даже остротелен.

экономическое

Богатым будешь, вот тогда узнаю...

Наукой юношу пытаются... (одностишия)

посвящается урокам информатики

В глазах двоится? Значит, программист ты...

посвящается урокам литературы

Так тихо «человечек» прозвучало...

посвящается урокам анатомии

А Буратино вырос... На берёзки смотрит...

посвящается урокам культурологии

А можно мне в музей? Я – раритет!

посвящается урокам обществознания

Хотел как лучше. Лучше б не хотел...

посвящается урокам НВП (начальной военной подготовки)

Я кольца не ношу. Парашютист!

Наукой юношу пытаются... (одностишия)

посвящается урокам психологии и этики

Давай по-честному: тебя впервые вижу...

посвящается урокам ПДД (правил дорожного движения)

К обочине прижмитесь... Да машиной!

посвящается урокам рисования

Фантазия играла. Жаль, что против...

из кулинарного техникума

Ах, если б первый блин, все двадцать восемь!

посвящается трудовику

Допился. Белка привела бельчат...

Дуэльные одностишия

Философ спал. А всем казалось – думал...

Жена – мой вечный двигатель. С дивана.

Как глупо ныть, когда никто не видит...

Философ может всё!.. А «Всё» – не хочет...

Под ложечкой заныло? Ешьте с вилкой!

Дуэльные одностишия

От слов «Не кант-о-вать!» философ в шоке!

Глаза на мокром месте? Отойдите!

Жуб долго ныл... Шпатибо хулиганам!

Под Новый год – аншлаг! У гастронома...

Паук-философ ждёт слона из мухи...

очень старое стихотворение

когда до тебя два вдоха,
но мысленно и неслышно,
я знаю, как дышит время,
в затылок, скользя, на ощупь,
а ты говоришь, что ночью,
по звёздным ступая вишням,
дойдёшь до меня и станет
у сердца знакомый почерк...

*** («я тихо сказал...»)

я тихо сказал: «если хочешь, зайди,
напою тебя чаем, улыбкой, словами,
невозможными днями, молчаньем пути,
а быть может, мечтами...
да, конечно, мечтами...»

ты, наверное, слышала, в струнах ветвей
ветер шил свою музыку...
Боже, так странно
между поздно и рано лепить снегорей,
белоснежных листов растопив полстакана...

/2003/

Открытая дверь

«Осторожно!
Двери открываются...» в ночь,

по дорогам бездомные сны
путешествуют «стопом».

Не увидеть –
почувствовать времени скотч,

припечатавший ветер к спине,
словно крылья на пробу.

...

Незаметно
падают минуты за кадр.

Этот город, придуманный мной,
никогда не взрослеет.

И в пасьянсе
из памятью сложенных карт

проступают вдруг очертанья
незапертой двери...

... Но моё отражение не знает – куда мне лететь.
Я открытую дверь оставляю открытой для Солнца...
я иду наугад – значит, стой, подожди, моя смерть,
пока сердце в груди не поёт...

... но хотя бы смеётся...

/2004/

Сестра моя, море...

мистика какая-то...
думаю о тебе,
представляется море...
волны стаями,
цепляясь за берег,
не могут остаться,
бьются как сердце
живое...

— —
а я...
я слышу тот звук...
или только помню?..
ладонью касаясь стен,
словно клетки грудной,
выросшей до
размеров квартиры,
дома,
города,
мира,
да что там! — Вселенной...
если её уместить
за душой...

— —
а ты...
ты читаешь письма,
листаая экран...
нарисованный голос,
закованный смыслом,
в словах растворённый...
но моря — там нет...
только строки на тёмном...
как волны...

/03.04.2004/

отражение ждёт...

ночью
моё отражение
бродит по дому,
падает тенью,
царапает двери ключом...
знаешь, ему ни заснуть,
ни уйти по-другому...
не проломить эти стены
зеркальным плечом.

втайне от времени,
словно в тумане на ощупь,
снится ли мне,
что моё отражение лжёт?..
жестами-рифмами,
мимикой – из многоточий...
это не зеркало, друг мой,
за рамою – лёд!..

103

--

утром
рождается логика:
«сны – только ветер.
носишь за пазухой камни,
авось, не снесёт...»
(краешек мира,
а в пропасти – ночь
на столетья...)
снова работа, друзья...
отражение
ждёт...

/май 2004/

СВЕТЛЫЙ...

(из цикла «Пять оттенков синего»)

светлый... моя тишина подождёт, светлый...
по краю лица бродит улыбка, сорвётся?

представь себе – ночь в открытое солнце, как будто в окно,
влезает по лестнице, может кряхтя, но стараясь без шума...
я вижу – моё ожидание было не так уж бездумно -
я помню дорогу, я снюсь тебе, ты улыбнёшься?

рисуем созвездия, светлый... находим дыханье...
не в рифмах, не в ритме, не в смысле отдельном,
но слитно с тоскою...
друг в друге... душа моя, ты ли горела звездой?
и падала, светлый... и падала в наше молчанье...

/2005/

сиреневый

коснулось,
словно ветер налегке
промчался, растревожил душу...

а можно грусть твою
прижать к щеке
и слушать?

скажи...
мне голос тот знаком –
травинкою он тянется, танцует...

как хочется
согреть его плащом
и поцелуем...

пусть принц непонарошку*...
в две строки –
ладонями сплетаясь, водопадом...

о, как же наши звёзды
далеки!..
и рядом...

** Принц Непонарошку – персонаж старой забытой сказки*

ощущения

... а сегодня ко мне постучался снег; знаешь, прямо в глаза, век не тронув, не запомнив ни адреса, ни телефона, просто взял и ко мне постучался снег...

... был он тёплый, такое бывает под солнцем, он искрился, блестел и мурлыкал как кошка, и я даже слегка, ну чуть-чуть растерялся, потому что он тёплый; зима, а он – тёплый...

... улыбаюсь, молчу, ведь сегодня ко мне постучался снег... постучался снег...

Эники-беники ели вареники...

«Эники-беники ели вареники...» – приговаривала маленькая девочка, футболя мячиком по стене. Это было странно. На нашей тихой улочке давно не видели детей – с тех пор как шумное семейство Петровых переехало в другой район.

– Привет, – сказал я, стараясь улыбаться непринуждённо. – Играешь?

– Нет, – ответила она, бросив косой взгляд на меня. – Жду.

– Ясно. Маму? – спросил я.

– Нет, – сказала она, сморщив носик и отбросив мяч ногой. – Тебя.

Вот тут я растерялся. Все слова куда-то спрятались от меня. Максимум, что я смог из себя выдавить:

– Зачем?

Её строгие глаза пробуравили моё лицо, и она шепнула:

– Глупенький, ты избран...

Вы, наверное, мне не поверите, но я совершенно не помню следующие два месяца. Я очнулся на той же тихой улочке. Такой знакомой, но совсем другой. Было холодно, ведь я был одет не по сезону. Осень, сырость, тишина. И я не знаю – ни для чего я был избран, ни кем, ни что я делал те два пропавших месяца. Но с тех пор я очень опасаясь незнакомых маленьких девочек. Мало ли что...

Летишь?

«Летишь?» – вдруг прозвучало над ухом... От неожиданности я кувыркнулся и чуть не потерял управление собой. Осмотрелся. Никого...

– Эээ... простите, а с кем, так сказать, имею честь... – начал я витиеватую фразу, но был прерван язвительным смешком.

– Да ты лети, лети, не просыпайся. Подсознание я. Скучно мне...

– В смысле? – изумился я. – Моё подсознание??

– Ну а чьё же ещё... – опять со смешком последовало в ответ.

Я задумался. Одно дело – летать во сне, а совсем другое – сходить с ума, разговаривая со своим подсознанием. Может, это чья-то глупая шутка? Вот сейчас как проснусь, а там кто-то стоит надо мной и в ухо...

– Не-а. Не стоит. Один ты живёшь. Забыл? Ну, не считая меня. – Продолжил мой невидимый собеседник.

– И что мне теперь делать? – спросил я.

– Да ничего, лети себе. Сейчас до Парижу долетим, а там я тебя покину. На время. Очень уж хочется Монмартр посмотреть. А ты проснёшься сразу. Ведь крылья даю тебе я. Не знал?

И дальше мы молча полетели «до Парижу»...

Главное

- Вот такой я был когда-то, – мечтательно произнёс дед Матвей, бережно вытирая пыль со стекла. – Да, шашки наголо, азарт! Игра мысли! Шахматный турнир!
- Деда, а ты выигрывал? – спросил Ванечка.
- А как же! Бывало, выигрывал. Ну, не всегда, конечно. Вот смотри – а здесь твоя бабуля, на заднем плане. Пожалуй, это была моя самая большая победа в жизни. Да...
- Ты её в шахматы обыграл?
- Нет, внучок. В шахматы она тогда играть не умела. Да и сейчас... так себе игрок, скажем прямо. Но это не главное, Ванечка.
- А что главное, деда?
- Главное, как говорится, чтобы человек был хороший, – произнёс Матвей Ильич, улыбнувшись.

И волна воспоминаний унесла его в тот день, в тот незабываемый день, когда молодость ещё не знала горьких слов прощаний и редких знаков судьбы...

109

- Посмотри какой... подтянутый, умный. Как играет, а?
- Ой, Марусь, да ты разве разбираешься? Играет он, ага. Мэтр с кепкой. Плюгавенький какой-то...
- Не с кепкой, а с фуражкой. В фуражке. И шарф такой стильный. И взгляд такой... Ох, и злой ты, Василий, в кого ты злой-то такой? И вроде кровь моя родная, брат единственный, а как мы с тобой непохожи!
- Ну ладно, ладно, не кипятись, сестрёнка. Влюбилась, что ли?
- Да хоть бы и так! Тебе-то что? Я вот про твои шуры-муры с Галькой-продавщицей молчу же.
- Вот и молчи, моё это дело, Маруся. Вон ты на «своего» лучше посмотри. Сейчас он председателю поставит мат, как пить дать...

- Ваше величество, всё пропало! Сейчас они двинут конницу с правого фланга, и... всё! Ваше величество.. я Вас любил, любовь ещё быть...
- Прекратить панику, Пешкин!.. И стихи! Так, где там он... Ах, вот ты где... Ладьявский, есть у меня к тебе разговор преинтересный. Давай-ка ты исчезнешь.
- Что, Ваше величество? Как? Почему исчезну?
- Без глупых вопросов. Выполнять приказ! Исчезни!

– Слушаюсь, Ваше величество!..

– Позвольте, но здесь была моя ладья... Где моя ладья?!.. у меня всё записано... у меня все ходы записаны... Это произвол! Нечестная игра! Я требую остановить турнир!..

– Да что вы такое говорите! Не трогал я вашу ладью. Вот здесь она была, да. Я помню. Мне записывать не надо, я же и так помню. Давайте не будем горячиться, ладья вас всё равно не спасёт, я хожу вот так – и мат. Спасибо за прекрасную партию, вы замечательно сражались.

– Но... моя ладья...

– Ну, хорошо, давайте возьмём ладью с вот этого столика, она уже в битых, да поставим на это место. Здесь же, правильно? Простите, но мне надо закончить ещё две партии. Ещё раз спасибо за игру.

– А не смог председатель выкрутиться! Да уж, жук, «у меня ладья пропала». Смешно! Сам небось в карман её, знаю я его, играл уже с ним...

– Ты? Играл?

– Ну, в карты, Марусь, в карты. Не в эти. Фигурки. Тут как-то слишком много думать надо. А приезжий-то «в фуражке» – ничего, хорошо ответил. И спокойно так. Смелый, однако.

– Ну вот. А то всё плюгавенький, да плюгавенький. А он такой... такой вот. Умный он. Вот.

– Да-а-а... Я смотрю, тут кому-то уже румянцем все щёки залило. Ну ты даёшь, сестрёнка. Вот же Кольке не повезло, всё вокруг тебя кругами ходил, а тут этот... приехал. В фуражке.

– Да ну этого Кольку...

– Деда, а научишь меня в шахматы? Я хочу, как ты...

– Как я? Ну, пострел. Научу, Ванечка. Но, кроме шахмат, многому надо научиться. Ведь главное...

– Я знаю, знаю! Главное, чтобы человек был хороший! Как бабуля.

– Да, внучок. Вон смотри, Митька в гости к тебе спешит. Давай ты пойдёшь поиграешь, а я доубираюсь пока, а то бабуля придёт скоро уже.

– Хорошо, деда, я побежал...

Моя история

Волшебник был не очень умелый. Хотел вызвать дождь – получился снег. Хотел оживить бумажного голубя – ожила кукушка в часах и чуть не заклевала. Пришлось сбежать наружу. Бродил он по улицам под противным мокрым снегом, пока не столкнулся со мной. Теперь я единственный говорящий фонарь в городе. А волшебник телепортировался, исчез. Да вот куда – никому не известно.

Прощание

Уходишь? И это после всего, что было между нами? Жаркие объятия, бег наперегонки в прохладные воды моря, радость от найденной вместе ракушки с необычным узором. А потом, помнишь, как мы глядели в бескрайнее звёздное небо, сидя на веранде в уютных плетёных креслах? И вдруг покатилась звезда... Уходишь? Ну, береги себя, лето, до скорого... Здравствуй, осень...

ЗВОНОК

– Алло! Станислав, вы меня не знаете, но не бросайте трубку! Это очень важно! Нет, это не реклама. Я видела вашу картину на выставке. «Портрет незнакомки». Понимаете, это я. Я – ваша незнакомка! Да нет же, я не сумасшедшая. Ну что я себя не узнаю? Каждый день себя в зеркале вижу. Станислав, прошу вас – нарисуйте меня счастливой...

Живёшь только дважды

– Не нравится мне это, Сашк. Что-то тут нечисто... Это западня. Вот смотри – света нигде нет, а там мелькнуло что-то. Как вспышка, шаровая молния. Быстро так мелькнуло. Видел?

– Ага. Может, обойдём?

– Да, легко сказать, обойдём. Справа скала, там никак. Слева...

*** /параллельно/

– Мальчики, а вы обедать-то будете? Вам пельмени сварить?

– Мам, ну у нас тут это... проблема у нас. Вот.

– Да какие там у вас проблемы, пираты вы мои ненаглядные.

– Мам, ну какие пираты! Это же вчера, а сегодня мы – рыцари. Вот я – Первый рыцарь, а Сашка...

– ... второй, я поняла. А уроки вы сделали, рыцари?

– Да сделали мы. Ну, правда.

– Ладно, верю. Но обедать всё-таки надо, иначе вы там скоро и меч не поднимете в вашей игрушке. От упадка сил. Так что через пятнадцать минут жду на кухне с помытыми руками. И без мечей. У нас вилки есть.

114

*** /выход вверх */

– Неплохо, Андрей Семёнович, неплохо. А во что пацаны играли-то?

– Да разве это важно? Ну какие-то драконы, мечи, нечисть всякая. Сейчас этих игрушек развелось. Вот никогда не буду...

– Никогда не говори «никогда», Андрей. Ну а что плохого-то? Я вот тоже, бывало, с внуком как засяду... Гмм, ну ладно. До конца месяца закончишь? Сам понимаешь – сроки у нас. Литература – это вам не игрушки.

– Постараюсь, Вадим Константинович.

– Ну вот и ладненько. А что за название-то такое странное – Живёшь только дважды? Странноватое оно.

– Ну это потом будет в сюжете. Потом понятно будет.

– Хорошо, посмотрим, да. Посмотрим-почитаем.

*** /двойной спуск/

– Ты спас мне жизнь, рыцарь! Как мне отблагодарить тебя?

/Опыт: + 100. Ваш герой перешёл на новый уровень. Поздравляем. Нажмите на кнопку «Вернуться к игре»./

– Вот эликсир великого счастья, рыцарь. Он поможет тебе, когда придёт время
– время последней битвы...

/Эликсир счастья добавлен в ваше снаряжение. Нажмите на кнопку «Вернуться к игре»./

**** /выход вверх/*

– Круть! С эликсиром это класс! Щас мы всех их порубаем!
– Сашк, вот хотел спросить... а ты был когда-то... ну, был счастлив?
– А то! Даже много раз! Вот когда «пятёрку» у математички получил на контрольной – класс! Или вот ещё на Новый год мне папа знаешь, что подарил – эн-ци-клопедию! С картинками. Хочешь, дам посмотреть?
– Давай. Спасибо. Везёт тебе. А я своего отца не помню даже...
– Как это? А разве дядя Коля...
– Отчим. А отец ушёл, когда я был ещё маленьким, мама очень переживала.
– Ушёл? Как это? Просто взял и ушёл?
– Ну, так говорят, я не знаю почему. «Ушёл в другую семью». И другой город даже. Уехал. И с тех пор вот... Не видел я его. И не помню даже как он выглядит.
– А фотографии?
– Так мама все уничтожила. Даже там, где мы... вместе. Вырезала. Ножничками. Чик – и нет папки! Я, мама и пустота.
– Да уж... Но где-то же он есть?

**** /параллельно далеко/*

– Встать! Лицом к стене, руки за голову, ноги на ширине плеч! Обыщи его сержант. Документы есть?
– П-п-паспорт... во внутреннем кармане.
– Что ж вы нарушаете, гражданин? Нехорошо. Время военное. Комендантский час.
– Да я... на работе я задержался. Простите! Домой иду... Отпустите меня, пожалуйста! Я же домой...
– Домой он идёт. Ну-ну. Я б тоже не отказался. А придётся теперь с нами проехать. До выяснения.
– Отпустите меня... ну, пожалуйста, отпустите! Я же ничего не сделал, домой иду. Меня жена ждёт. И дети...
– Проверим. Если не сделал – отпустим. Много вас тут таких, «несделавших».

«Горец, это Беркут, нужна помощь. Васильева, б. Сопротивление при задержании. Как поняли? Приём!»

- Повезло тебе, мужик. Далек живёшь?
- Да тут в двух шагах уже!
- Ладно, топай. Но больше не нарушай!

*** /выход вверх/

Странная штука жизнь. И литература. У которой сроки. Вадим не понял, что это почти автобиографично. Ну, разве что, игр этих компьютерных у нас не было тогда. Это уж я придумал, да. Выдумал. А жизнь вот не выдумаешь, идёт она сама по себе. Чик – и нет папки...

В детстве мне всё хотелось вырасти, съездить туда, к нему, посмотреть в его глаза.

А потом нам кто-то сообщил, что он умер. Ну, на севере тогда, на вахте, заработал себе эту... как её... всё время забываю это название... нет, не вспомню, ну да ладно... А потом вот это так и отразилось. Вторая семья, вторая жизнь. И закончилась и вторая тоже.

Был ли он счастлив? Без «эликсиров», без «пятерок» на контрольных, сам по себе. Не знаю. И уже никогда не узнаю. А счастлив ли я?

Там, где запад дня...

*** /внутри */

– Декабрь у меня ассоциируется с грустью. Знаешь, такая грустная скала, на которую ты зачем-то забрался и оттуда, с высоты, смотришь вниз – на уходящий год, на убегающее вдаль время. И вспоминаешь всякие глупости, которые ты говорил себе или другим. Наверде «Никогда не говори «никогда»» или «Всё перемелется».

– А разве в этих фразах нет смысла?

– Смысл есть, Горец. Всегда есть смысл. В том-то и дело. И практически во всём. Этакие бесконечные лабиринты смыслов. Ты читал «Имя розы»?

– Да, когда-то читал. Ты намекаешь на фразу «Как хорош был бы мир, если б имелось правило хождения по лабиринтам...»?

– Да, её. А ты не так прост, как кажешься на первый взгляд. Спрыгнем со скалы?

– Летать так летать.

*** /снаружи/

– Он ещё бредит, зовёт какую-то Розу. Но в целом прогнозы положительные. Вероятно, скоро он придёт в сознание.

– Спасибо, доктор Ноу. Вы спасли ему жизнь!

– Я делаю то, что в моих силах. Но я – не Господь Бог, все мы в руках Божьих.

– Я понимаю. Спасибо вам!

*** /самый наружный слой/

– Ну вот скажи – почему у тебя в каждом романе какая-то Роза? Мне, между прочим, обидно! Меня зовут Елена. Ну хоть бы раз... Эй, почему ты смеёшься?

– Я знаю. Елена Прекрасная! Просто меня ещё никогда не ревновали к героиням моих романов. Ну, хорошо, хорошо, не дуйся. В следующем романе обязательно будет Елена.

– А она будет красивой?

– Каждый красив по-своему, наверное. Хорошо, она будет красива. Она будет прекрасна, как ты.

– И всё-таки ты неисправимый льстец! Но я тебя люблю...

*** /внутри/

– Там, где запад дня, – западня. Там, где нет любви, – нет меня.

– Стихи?

– Глупости. Рифмованные. Ты меня прости, но мне придётся вернуться, Горец. Меня ждут. Знаешь, это так хорошо, когда тебя ждут.

– Кто?

- Я её называю Елена Прекрасная.
- А она прекрасная?
- Для меня – да. Прощай, Горец.
- Нет. До встречи.

Зелёная книга

- Мулечка, лучший подарок – это книга! Давай подарим ему вот эту, зелёную?
- Тимофей, я-таки всегда подозревала, что ты умён, но не до такой же степени. Ты цену-то посмотрел?
- Посмотрел. Дорого – значит, хорошая.
- Дорого?!
- Ну, в меру, в меру, Мулечка. Мы вполне можем себе это позволить. Как-никак у Бориса Моисеевича юбилей. И читать он любит. Наверное.
- Нам надо точно знать-таки. А вдруг не понравится наш подарок? С Борисом Моисеевичем ссориться нельзя, он тебе повышение обещал.
- Ну, Мулечка, чему ж тут не понравиться! Смотри, зелёная такая, глаз радует. Поставит на полку, и... лепота! Словно весна в дом заглянула, покрутилась немножко, да осталась. Почти как твоя мамулечка.
- Не трогай маму! Сколько раз тебе говорила уже!
- Да я что, я ничего. Я же образно, прости. Весна, зелень, цветочки, листики. Ну так что, берём книжку?
- Ладно. Только название посмотри. На всякий случай.
- Это мы завсегда, вот значит... Название... «Уголовный кодекс Российской Федерации...» Ой!.. «Текст Кодекса приводится по состоянию на...» «С таблицей изменений и постановлениями судов...» Мамочки...
- Тимофей, ну ты и выбрал! Весна, понимаешь, цветочки. Пошли отсюда! В другой магазин! Дорого тут ему, понимаешь. Это книжка тебе будет совсем дорого стоить, дурачок ты мой! Пошли!

Учитель

Он никогда не расставался с ней. Когда начинал урок, то вынимал её из портфеля и клал в правом углу своего стола. А затем раскрывал журнал и начинал переключку... Обычный будничный урок. Кого-то вызывали к доске, кому-то ставили «пятёрку» за отлично выполненное домашнее задание. Всё, как всегда. И она. Странная, непонятная нам, таинственная. Зелёная книга. На учительском столе.

Конечно, мы спрашивали наших одноклассников, которые сидели на первой парте, перед учительским столом – что там за книга, что на ней написано хотя бы. А они не знали, не рассмотрели, они пытались, но не смогли, они уставали от наших расспросов. Ведь он всегда клал её обложкой вниз, словно карту рубашкой. И книга притягивала нас подобно магниту. Тайна. Загадка.

Иногда он брал её в руки и расхаживал по классу, объясняя нам новую тему. Но всегда держал её так, что мы не могли подсмотреть обложку. Поначалу нас это интриговало, потом начало беспокоить, а через какое-то время даже стало вызывать раздражение. Мы даже его самого стали называть «Зелёной книгой». И прозвище так и прилипло.

120

– Эй, а Зелёная книга на сегодня что задал?..

– Слышал, урока не будет, Зелёная книга заболел, лафа!..

Однажды после урока, когда весь класс шумно потянулся к выходу, Стасик Амиранов, как самый наглый из нас, спросил его:

– Афанасий Дмитриевич, а что это за книга у Вас? Ну, вот эта зелёная, которую Вы всегда с собой приносите?

И все замерли в ожидании ответа. Ведь это была наша общая тайна, наша загадка. То, что нас в какой-то степени объединяло.

– Это подарок моего друга, – сказал учитель, слегка смутившись. – Об этом сложно рассказать, Станислав. Просто подарок друга. Его уже нет. Он погиб. Но мне так хочется, чтобы со мной была хотя бы его частица. Незримая. Это его стихи в книге. Он был хороший поэт. И хороший друг. Понимаешь?

Больше никто из нас не называл его «Зелёной книгой». Мы поняли. Пусть поняли по-своему, наверное, но друг – это... друг. Это важно. Словно и с нами он, друг учителя, тоже был, незримо. Когда Афанасий Дмитриевич, начиная урок, открывал свой портфель, вынимал из него зелёную книгу и клал её в правом углу своего стола.

Отражение

Оно

Зачем она смотрится в меня? Ищет признаки старости? Но старость зарождается внутри – маленьким комочком мысли, а лишь потом перерастает в морщины и вечное брюзжание «вот раньше я...». Уж я-то знаю. Я – старое зеркало. Вот раньше я... отражало её красивое лицо, наивные голубые глаза с искорками внутри. Но... искорки давно погасли. Теперь и отражать-то нечего. Старость...

Она

Посмотреться или нет?.. Но примета такая... Ох, зачем я только вернулась с полдороги... Это старое зеркало вечно показывает мне какого-то крокодила в куртке, а не меня! Давно пора его выбросить. В смысле, зеркало. Вместе с крокодилом. А куртка хорошая. Можно оставить. Хорошая куртка... Эх, опять седой волос. Предатель. Выдал меня. Расстрелять. А зеркало надо выбросить...

Комедия или детектив?

– А у тебя машину угнали...

Вот так. И это вместо «Здравствуй, друг». Метнулся на кухню к окну. Да нет! Вот же она, ласточка моя! Стоит.

– Да ты не паникуй. Уже вернули... – усмехается. – Ну, здравствуй, Тимофей. Доброго утра, так сказать.

– Слушай, Сашка, я тебя когда-нибудь за твои шутки... Утро! Тоже мне нашёл утро. Уже полдень почти! Здравствуй.

– А вот это кому как. Для меня – утро! Эх, не веришь ты мне, Тимофей, разве друзья так поступают? Я вот вчера возвращался позднѐхонько. Ну, шабашка у меня была. Час ночи, где-то так. Смотрю, выезжает твоё корыто со двора. Ну а ты же в это время дрыхнешь, что я тебя не знаю. Уж сколько лет знаю. Вот. Угнали, значит. А утром вернули. Всё просто!

– Да уж, просто... Да ты обознался, наверное. Мало ли похожих белых машин тут в округе. Ну кто-то на своей и выезжал со двора, ну и что? Да, я спал в это время. И вообще это комедия какая-то. Угнали, потом вернули...

– Может и комедия, я не спорю. А если детектив? Кто, зачем, почему, как? Дело, понимаешь, тёмное. Но интересное! А может – мистика? У машины проснулся собственный разум, и она решила погулять.

– Угу, гуляка, однако. Вся в тебя. Но машина-то моя.

– Ну, не веришь – не верь. А я точно видел. Удивился очень. Час ночи же! Ну что я твою машину не узнаю? Сколько раз я её видел. Каждый день по двору прохожу. Нет, твоя была, точно. Слушай, а пойдём глянем? Может, изменилось что-то. Ну, в салоне что-то не так. Запахи там всякие, отпечатки пальцев...

– Угу, и труп в багажнике.

– Ну, труп не труп, а пятна крови могут быть вполне...

– Сашка, ты совсем больной?! Какие пятна крови? Какой ещё труп?!

– А вот этого я не знаю, про труп ты сам только что сказал. Никто тебя за язык не тянул. Как, кстати, поживает супруга, достопочтимая Лизавета Патрикеевна?

– Нормально поживает. Не Патрикеевна, а Ивановна, сколько раз тебе говорил уже! К маме уехала в субботу, в Житомир. Погостить... Э-э-э, подожди-ка, да ты к чему клонишь? Что я... да её... и потом... Сашка, да ты псих! Да я тебя сейчас...

– Ой, не-не-не, спокойно, друг! Я ничего не хотел сказать! Никуда не клоню! Всё нормально! Ну прибил и прибил, бывает. Ой, да шучу же! Всё, понял! Больше не шучу! Ухо отпусти... ну, отпусти, пожалуйста. Я же пошутил,

Тимофей. Ну, правда! Может, действительно попутал. Мало ли таких белых машин в округе.

– Шутник, тоже мне. Вон посмотри из окна – вот видишь, стоит. И там же стоит, где вчера оставлял. И вообще всегда оставляю. Никаких угонов! Шутник, тоже мне... И вообще некогда мне с тобой балагурить, у меня работа горит, надо повесть закончить, издатель ждёт. Так что...

– Ладно, ладно, пойду я. Ты это... ты забудь, Тимофей, ладно? Ну, может, привиделось мне. Я ж с шабашки шёл, навеселе слегка. Ну, мало ли.

– Ладно, забыли. Но ты так больше не шути, пожалуйста. А то у меня от твоих шуток... у меня настроение портится, вот! Рабочее! А мне повесть ещё дописывать.

– Хорошо, я не буду. Ну, я пошёл. Вечерком загляну? Пивка дерябнем?

– Заглядывай. Только со своим, у меня сейчас шаром покати. Еды минимум, пива нет.

– Понял. Принесу. Ну, пока, Тимофей!

Ушёл. Да уж... Глазастый какой, однако. Друг, тоже мне. Ещё брякнет кому-нибудь. Ладно, посмотрим, может и не брякнет. И надо завязывать с этими ночными похождениями. Перерывчик сделать. Да и машину надо бы помыть. На всякий случай.

Осень и Лада

Осень – унылая пора. Особенно для нас, машин. Лужи, грязь, дожди. Ну, мне-то ещё не так плохо, я под навесом ночую. Ну, под крышей. Да и на синем почти незаметно. А вот соседку, блондиночку Ладу, очень жалко. Мокнет на улице, ржавеет, а грязь на белом ой как видно. Но всё равно ведь красавица, да. И романтичная такая. Стихи сочиняет. Откуда я это знаю? Да, знаю вот. Мне прочитала как-то вечером. Рядом мы стояли на парковке. Красивые стихи. Я, правда, мало что помню. Что-то там было про чудное мгновение. И кто-то куда-то явился. Ну, хозяин машины, наверное. Кому же ещё являться-то. И вот пора бы уже моему явиться. Опять ведь на работу будет опаздывать, гнать как угорелый. А я, между прочим, уже не молод. И мотор барахлит иногда. Да и вообще осень, да не хочу я наружу. Эх... А Лада умчалась уже. Беленькая моя, блондиночка. Ну, ничего. Вечером встретимся. Надеюсь. А я ей фарами мигну, а она мне в ответ. А потом долгой ночью я буду вспоминать этот момент, представляя его снова и снова. И как она прошла рядом, качнув бампером. И как на её ветровом стекле трепетал жёлтый лист. Это было очень красиво. Такая вот осень.

Оглавление

МЕЖДУ СТРОЧЕК

любовная лирика

Утренняя зарядка для воображения	3
я тебя люблю...	4
температурное	5
Дзыньк	6
Здравствуй, любимая...	7
А я иду искать...	8
Но я тобою...	9
Я думать о тебе люблю	10
Плюс-минус	11
Берег твоей любви	12
Вычитание	13
бегу на красный	14
между строчек	15
прощальное	16
Ты птица	17
Восемь минут молчания	18
восклицательное	19
Снизу вверх	20
Родная моя, светлая грусть...	21
...ло	22

ЛОВЕЦ СНОВ

психологическая поэзия

Нет слов	23
Да зачем название, всё равно никто не поймёт...	24
Выстрел	25
Простое белое	26

Оглавление

печаль моя светла...	27
В роли лодки...	28
ничья в судьбе	29
пассажиры	30
молчать	31
небрит и тощ	32
такой был день	33
Надеюсь, я вернусь...	35
выброси камень	36
такой был день (вторая версия)	37
трансное	38
Сердце, солнце моё	39
Внутри, снаружи	41
ловец снов	42
Мысли	43
счётчик	44
живая	45
Уравнение бессонницы	46
*** («сегодня холодно с утра...»)	47
горькое	48
В порядке бреда	49
безумное	50
Плач гитары	51
горе	52
Кино	53
метаморфозы от лица соучастника	54
база сданных	55
горькое-2	56
...чание	57
Ночное	58
Кричи – не кричи	59
точка бифуркации	60
безумное-2	61
Хороший вопрос	62

ТЫ-ДЫМ ТЫ-ДЫМ

разное

*** («Расстаться...»)	63
Безответное	64
Что рассказать тебе про Альтаир...	65
Пара вредных советов	66
Письмо	67
ТЫ-ДЫМ ТЫ-ДЫМ	68
красит стены	69
воображаемое	70
Случай во дворце	71
Только, пожалуйста, без Снегурочки...	72
Старые слова	74

ПОСТУКИВАЯ ПО СКОРЛУПЕ СЛОВ

верлибры

иногда в наших снах	75
однажды	76
когда рассвет разбудит тебя	77
Йахавэлáнну	78
мои воспоминания о тебе	79
когда-нибудь	80

ТЕНЬ МОЯ И ЖИЗНЬ МОЯ

в несколько строк

Хокку	81
Рубаи	83
Четверостишия	85
Кагило дасурба (шутки и абсурдизмы)	87
Одностишия	91

ИЗ ПАМЯТЮ СЛОЖЕННЫХ КАРТ

из раннего творчества

очень старое стихотворение	97
Лес дорог, ведущих в зиму...	98
*** («я тихо сказал...»)	100
Открытая дверь	101
Сестра моя, море...	102
отражение ждёт...	103
светлый...	104
сиреневый	105
ощущения	106

И ДАЛЬШЕ МЫ МОЛЧА ПОЛЕТЕЛИ

проза

Эники-беники ели вареники...	107
Летишь?	108
Главное	109
Моя история	111
Прощание	112
Звонок	113
Живёшь только дважды	114
Там, где запад дня...	117
Зелёная книга	119
Учитель	120
Отражение	121
Комедия или детектив?	122
Осень и Лада	124
Оглавление	125

Алексей Лис
Уравнение бессонницы
Избранное

Составление, вёрстка, дизайн
Виталий Музуров, Ирина Архипова

